

Чарльз Диккенс

ПОСМЕРТНЫЕ
ЗАПИСКИ
ПИКВИКСКОГО
КЛУБА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 45

Charles Dickens
THE POSTHUMOUS PAPERS
OF THE PICKWICK CLUB

Перевод с английского
Александры Кривцовой, Евгения Ланна
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрации
Роберта Сеймура, Гарри Ферниса, Сесила Олдина,
Физа (Хэблота Найта Брауна), Фрэнка Рейнольдса

ISBN 978-5-389-32575-3

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Предисловие¹

В предисловии к первому изданию «Посмертных записок Пиквикского клуба» было указано, что их цель — показать занимательных героев и занимательные приключения; что в ту пору автор и не пытался развить замысловатый сюжет и даже не считал это осуществимым, так как «Записки» должны были выходить отдельными выпусками, и что по мере продвижения работы он постепенно отказался от самой фабулы клуба, ибо она явилась помехой. Что касается одного из этих пунктов, то впоследствии опыт и работа кое-чему меня научили, и теперь, пожалуй, я предпочел бы, чтобы эти главы были связаны между собой более крепкой нитью, однако они таковы, какими были задуманы.

Мне известны различные версии возникновения этих «Пиквикских записок», и для меня, во всяком случае, они отличались прелестью, полной неожиданности. Появление время от времени подобных домыслов дало мне возможность заключить, что мои читатели интересуются этим вопросом, а потому я хочу рассказать о том, как родились эти «Записки».

Был я молод — мне было двадцать два — двадцать три года, — когда мистеры Чепмен и Холл, обратив внимание на кое-какие произведения, которые я помещал тогда в газете «Морнинг Кроникл» или писал для «Олд Монсли Мегезин» (позже была издана серия их в двух томах с иллюстрациями мистера Джорджа Крукшенка), явились ко мне с предложением написать какое-нибудь сочинение, которое можно издать отдельными выпусками ценой в шиллинг, — в то время я, да, вероятно, и другие знали о таких выпусках лишь по смутным воспоминаниям о каких-то нескончаемых романах, издаваемых в такой форме и распространяемых

¹ Предисловие написано Диккенсом к так называемому «дешевому» изданию «Посмертных записок Пиквикского клуба» 1847 года.

странствующими торговцами по всей стране, — помню, над иными из них я проливал слезы в годы моего ученичества в школе Жизни.

Когда я распахнул свою дверь в Фарнивел-Инн перед компаньоном, представителем фирмы, я признал в нем того самого человека — его я никогда не видел ни до, ни после этого, — из чьих рук купил два-три года назад первый номер «Мегезина», в котором со всем великолепием было напечатано первое мое вдохновенное произведение из «Очерков» под заглавием «Мистер Миннс и его кузен»; однажды вечером, крадучись и дрожа, я со страхом опустил его в темный ящик для писем в темной конторе в конце темного двора на Флит-стрит. По сему случаю я отправился в Вестминстер-Холл и зашел туда на полчаса, ибо глаза мои так затуманились от счастья и гордости, что не могли выносить вид улицы, да и нельзя было показываться на ней в таком состоянии. Я рассказал моему посетителю об этом совпадении, которое показалось нам обоим счастливым предзнаменованием, после чего мы приступили к делу.

Сделанное мне предложение заключалось в том, чтобы я ежемесячно писал нечто такое, что должно явиться связующим звеном для гравюр, которые создаст мистер Сеймур¹, и то ли у этого превосходного художника-юмориста, то ли у моего посетителя возникла идея, будто наилучшим способом для подачи этих гравюр явится «Клуб Нимрода», члены которого должны охотиться, удить рыбу и всегда при этом попадать в затруднительное положение из-за отсутствия сноровки. Подумав, я возразил, что хотя я родился и рос в провинции, но отнюдь не склонен выдавать себя за великого спортсмена, если не считать области передвижения во всех видах; что идея эта отнюдь не нова и была не раз уже использована; что было бы гораздо лучше, если бы гравюры естественно возникали из текста, и что мне хотелось бы идти своим собственным путем с большей свободой выбирать людей и сцены из английской жизни, и я боюсь, что в конце концов я так и поступлю, независимо от того, какой путь выберу для себя, приступая к делу. С моим мнением согласились, я задумал мистера Пиквика и написал текст для первого выпуска, а мистер Сеймур, пользуясь гранками, нарисовал заседание клуба и удачный пор-

¹ Р. Сеймур сделал только семь гравюр, две гравюры — Р. У. Басс (которые не переиздавались), остальные — Физ (Х. Н. Браун). (Примеч. переводчика.)

трет его основателя — сей последний был создан по указаниям мистера Эдуарда Чепмена, описавшего костюм и внешний вид реального лица, хорошо ему знакомого. Памятуя о первоначальном замысле, я связал мистера Пиквика с клубом, а мистера Уинкля ввел специально для мистера Сеймура. Мы начали с выпусков в двадцать четыре страницы вместо тридцати двух и с четырех иллюстраций вместо двух. Внезапная, поразившая нас смерть мистера Сеймура — до выхода из печати второго выпуска — привела к незамедлительному решению вопроса, уже назревавшего: выпуск был издан в тридцать две страницы только с двумя иллюстрациями, и такой порядок сохранился до самого конца.

С большой неохотой я вынужден коснуться туманных и бессвязных утверждений, сделанных якобы в интересах мистера Сеймура, будто он принимал какое-то участие в замысле этой книги или каких-то ее частей, о чем не указано с надлежащей определенностью в предшествующих строках. Из уважения к памяти брата-художника и из уважения к самому себе я ограничусь здесь перечислением следующих фактов:

Мистер Сеймур не создавал и не предлагал ни одного эпизода, ни одной фразы и ни единого слова, которые можно найти в этой книге. Мистер Сеймур скончался, когда были опубликованы только двадцать четыре страницы этой книги, а последующие сорок восемь еще не были написаны. Никогда я не видел почерка мистера Сеймура. И только один раз в жизни я видел самого мистера Сеймура, а было это за день до его смерти, и тогда он не делал никаких предложений. Видел я его в присутствии двух человек, ныне здравствующих, которым прекрасно известны все эти факты, и их письменное свидетельство находится у меня. И наконец, мистер Эдуард Чепмен (оставшийся в живых компаньон фирмы «Чепмен и Холл») изложил в письменной форме, из предосторожности, то, что ему лично известно о происхождении и создании этой книги, о чудовищности упомянутых необоснованных утверждений и о явной невозможности (детально проверенной) какого бы то ни было их правдоподобия. Следуя принятому мною решению быть снисходительным, я не буду цитировать сообщение мистера Эдуарда Чепмена о том, как отнесся его компаньон, ныне покойный, к упомянутым претензиям.

«Боз», мой псевдоним в «Морнинг Кроникл» и в «Олд Монсли Мегезин», появившийся и на обложке ежемесячных выпусков

этой книги и впоследствии еще долго остававшийся за мной, — прозвище моего любимого младшего брата, которого я окрестил «Мозес» в честь векфилдского священника; это имя в шутку проносили в нос, оно превратилось в Бозес и уменьшительно — в Боз. Это было словечко из домашнего обихода, хорошо знакомое мне задолго до того, как я стал писателем, и потому-то я выбрал его для себя.

О мистере Пиквике говорили, что, по мере того как развертывались события, в характере его произошла решительная перемена и что он стал добрее и разумнее. По моему мнению, такая перемена не покажется моим читателям надуманной или неестественной, если они вспомнят, что в реальной жизни особенности и странности человека, в котором есть что-то чудачковатое, обычно производят на нас впечатление поначалу, и, только познакомившись с ним ближе, мы начинаем видеть глубже этих поверхностных черт и узнавать лучшую его сторону.

Если найдутся такие благонамеренные люди, которые не замечают разницы (а иные ее не заметили, когда только что появились в печати «Пуритане») между религией и ханжеством, между благочестием истинным и притворным, между смиренным почитанием великих истин Писания и оскорбительным внедрением буквы Писания — но не духа его в самые банальные разногласия и в самые пошлые житейские дела, — пусть эти люди уразумеют, что в настоящей книге сатира направлена всегда против последнего явления и никогда против первого. Далее: в этой книге последнее явление изображено в сатирическом виде как несовместимое с первым (что подтверждает опыт), не поддающееся слиянию с ним, как самая губительная и зловредная ложь, хорошо знакомая в человеческом обществе, — где бы ни находилась в настоящее время ее штаб-квартира — в Эксетер-Холле, или в Эбенецер Чепл, или в обоих этих местах. Пожалуй, излишне продолжать рассуждения на эту тему, столь самоочевидную, но всегда уместно протестовать против грубой фамильярности со священными понятиями, о которых глаголют уста и молчит сердце, или против смешения христиан с любой категорией людей, которые, по словам Свифта, религиозны ровно настолько, чтобы ненавидеть, и недостаточно — для того, чтобы любить друг друга.

Просматривая страницы этого нового издания, я с любопытством и интересом установил, что важные социальные измене-

ния к лучшему произошли вокруг нас почти незаметно с той поры, как была написана эта книга. Однако все еще надлежит ограничить своеволие адвокатов и хитроумные их уловки, которыми они доводят до обалдения присяжных. По-прежнему также представляется возможным ввести улучшения в систему парламентских выборов (и быть может, даже в самый парламент). Но правовые реформы остригли когти мистерам Додсону и Фоггу; в среду их клерков проник дух самоуважения, взаимной терпимости, просвещения и сотрудничества во имя благих целей; пункты, далеко отстоящие друг от друга, сблизились для удобства и выгоды народа и ради уничтожения в будущем полчища мелочных предрассудков, зависти, слепоты, от которых всегда страдал только народ; изменены законы о тюремном заключении за долги, а тюрьма Флит снесена!

Кто знает, может быть, к тому времени, когда реформы будут проведены до конца, обнаружится, что в Лондоне и в провинции есть судьи, которые обучены ежедневно пожимать руку Здравому смыслу и Справедливости; что даже Законы о бедных смиловились над слабыми, престарелыми и несчастными; что школы, основанные на широких принципах христианства, являются наилучшим украшением сей цивилизованной страны от края и до края; что тюремные двери запирают снаружи не менее крепко и тщательно, чем заперты они изнутри; что последний бедняк имеет право требовать создания повсюду условий пристойной и здоровой жизни в такой же мере, в какой они обязательны для благополучия богачей и государства; что какие-то мельчайшие учреждения и организации — более ничтожные, чем капли в великом океане человечества, грохочущем вокруг них, — не вечно будут насыпать по своей воле Лихорадку и Чухотку на творения Божьи или игрой на своих скрипочках сопровождать Пляску Смерти.

ГЛАВА I

Пиквикисты

ервый луч, озаряющий мрак и заливающий ослепительным светом тьму, коей окутано было начало общественной деятельности бес- смертного Пиквика, воссиял при изучении нижеследующей записи в протоколах Пиквикского клуба, которую издатель настоящих «Записок» предлагает читателю с величайшим удовольствием как свидетельство исключительного внимания, неутомимой усидчивости и похвальной проницательности, проявленных им при исследовании многочисленных вверенных ему документов:

«Мая 12, года 1827. Председательствующий Джозеф Смиггерс, эсквайр, В. П. Ч. П. К.¹ В нижеследующем постановлении единогласно принято:

что названная ассоциация заслушала с чувством глубокого удовлетворения и безусловного одобрения сообщение Сэмюэла Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К.², озаглавленное: „Размышления об истоках Хэмстедских прудов с присовокуплением некоторых наблюдений по вопросу о Теории Колюшки“, за что названная

¹ Вице-президент, член Пиквикского клуба.

² Президент, член Пиквикского клуба.

ассоциация выражает живейшую благодарность означенному Сэмюэлу Пиквику, эсквайру, П. Ч. П. К.;

что названная ассоциация, отдавая себе полный отчет о пользе, каковая должна воспоследовать для науки от заслушанного труда, — не меньшей, чем от неутомимых изысканий Сэмюела Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., в Хорнси, Хайгете, Брикстоне и Кемберуэле, — не может не выразить глубокой уверенности в неоценимости благ, которые последуют, буде этот ученый муж для прогресса науки и в просветительных целях перенесет свои исследования в области более широкие, раздвинет границы своих путешествий и, следовательно, расширит сферу своих наблюдений;

что, исходя из этого, названная ассоциация всесторонне обсудила предложение вышеупомянутого Сэмюела Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., и трех других пиквикистов, поименованных ниже, об организации в составе Объединенных пиквикистов нового отдела под названием Корреспондентское общество Пиквикского клуба;

что указанное предложение принято и одобрено названной ассоциацией, что Корреспондентское общество Пиквикского клуба сим учреждается, что вышеупомянутый Сэмюел Пиквик, эсквайр, П. Ч. П. К., Треси Тапмен, эсквайр, Ч. П. К., Огастес Снодграсс, эсквайр, Ч. П. К., и Натэниел Уинкль, эсквайр, Ч. П. К., сим назначаются и утверждают членами означенного общества и что на них возлагается обязанность препровождать время от времени в Пиквикский клуб в Лондоне достоверные отчеты о своих путешествиях, изысканиях, наблюдениях над людьми и нравами и обо всех своих приключениях, совокупно со всеми рассказами и записями, повод к коим могут дать картины местной жизни или пробужденные ими мысли;

что названная ассоциация с искренней признательностью приветствует устанавливаемый для каждого члена Корреспондентского общества принцип — оплачивать собственные путевые издержки и не усматривает препятствий к тому, чтобы члены указанного общества занимались своими изысканиями, сколь бы они ни были продолжительны, на тех же условиях;

что до сведения членов вышеуказанного Корреспондентского общества должно быть доведено и сим доводится, что их предло-

жение оплачивать посылку писем и доставку посылок было об-
суждено ассоциацией; что означенная ассоциация считает такое
предложение достойным великих умов, его породивших, и сим
выражает свое полное согласие».

Посторонний наблюдатель, добавляет секретарь, чьим замет-
кам мы обязаны нижеследующими сведениями, посторонний
наблюдатель не нашел бы ничего особо примечательного в пле-
шивой голове и круглых очках, обращенных прямо к лицу secre-
таря во время чтения приведенных выше резолюций, но для тех,
кто знал, что под этим черепом работает гигантский мозг Пикви-
ка, а за этими стеклами сверкают лучезарные глаза Пиквика, зре-
лище представлялось поистине захватывающим. Восседал муж,
проникший до самых истоков величественных Хэмстедских пруд-
дов, ошеломивший весь ученый мир своей Теорией Колюш-
ки, — восседал спокойный и недвижимый, как глубокие воды этих
прудов в морозный день или как одинокий представитель этого
рода рыб на самом дне глиняного кувшина. А сколь захватываю-
щим стало зрелище, когда знаменитый муж, вдруг преисполнив-
шись жизни и воодушевления, лишь только единодушный при-
зыв: «Пиквик!» — исторгся из груди его последователей, медлен-
но взобрался на уиндзорское кресло, в котором перед тем восседал,
и обратился к членам им же основанного клуба! Какой сюжет
для художника являет Пиквик, одна рука коего грациозно зало-
жена под фалды фрака, другая размахивает в воздухе в такт пла-
менной речи; занятая им возвышенная позиция, позволяющая
лицезреть туго натянутые панталоны и гетры, которые — обле-
кай они человека заурядного — не заслуживали бы внимания, но
когда в них облекся Пиквик, вдохновляли, если можно так выра-
зиться, на невольное благоговение и почтение: Пиквик в кругу
мужей, которые добровольно согласились делить с ним опасно-
сти его путешествий и коим предназначено разделить славу его
открытий. По правую от него руку сидит мистер Треси Тапмен,
слишком впечатлительный Тапмен, сочетавший с мудростью
и опытностью зрелых лет юношеский энтузиазм и горячность
в самой увлекательной и наиболее простительной человеческой
слабости — в любви. Время и аппетит увеличили объем этой не-
когда романтической фигуры; размеры черного шелкового жилета
становились более и более внушительными; дюйм за дюймом

золотая цепь от часов исчезала из поля зрения Тапмена; массивный подбородок мало-помалу переползал через край белоснежного галстука, но душа Тапмена не ведала перемен: преклонение перед прекрасным полом оставалось его преобладающей страстью. По левую руку от своего великого вождя сидит поэтический Снодграсс, а рядом с ним — спортсмен Уинкль; первый поэтически закутан в таинственный синий плащ с собачьей опушкой, второй придает своей персоне невиданный блеск новой зеленой охотничьей куртке, клетчатому галстуку и светло-серым панталонам в обтяжку.

Торжественная речь мистера Пиквика по данному поводу, равно как и дебаты, вошла в протоколы клуба. И то и другое обнаруживает сильное сходство с дискуссиями других прославленных корпораций; а так как всегда интересно провести параллель между деятельностью великих людей, мы переносим протокольную запись на эти страницы.

«Мистер Пиквик заметил (говорит секретарь), что слава любезна сердцу каждого. Слава поэта любезна сердцу его друга Снодграсса; слава победителя в равной мере любезна его другу Тапмену, а жажда добиться славы во всех видах спорта на суше, на море и в воздухе обуревают его друга Уинкля. Он (мистер Пиквик) не может отрицать, что беззащитен перед человеческими страстями, человеческими чувствами (одобрение), быть может, и человеческими слабостями (громкие крики: „Нет!“); но вот что он хочет сказать: если когда-нибудь и вспыхивал в его груди огонь тщеславия — жажда принести пользу роду человеческому брала верх, и этот огонь угасал. Похвала людей для него — угроза поджога, любовь к человечеству — страхование от огня. (Бурные рукоплескания.) Да, он испытал некую гордость — он открыто признает это, и пусть этим воспользуются его враги, — он испытал некую гордость, даруя миру свою Теорию Колюшки, стяжала она ему славу или не стяжала. (Возглас: „Стяжала!“ Шумное одобрение.) Да, он готов согласиться с почтенным пиквикистом, чей голос он только что слышал: она стяжала славу; но если славе этого трактата суждено было проникнуть в самые дальние углы земного шара, его авторская гордость не может сравниться с той гордостью, с какою он взирает вокруг себя в сей знаменательный момент своей жизни. (Рукоплескания.) Он — человек незначительный. („Нет! Нет!“) Все же он не может не чувствовать, что избран сочленами на дело почетное, хотя и сопряженное с некоторыми опасностями. Путешествия протекают очень беспокойно, и умы кучеров неуравновешенны. Пусть джентльмены бросят взгляд в дальние края и присмотрятся к тому, что совершается вокруг них. Повсюду пассажирские кареты опрокидываются, лошади пугаются и несут, паровые котлы взрываются, суда тонут. (Рукоплескания, голос: „Нет!“) Нет?.. (Аплодисменты.) Пусть почтенный пиквикист, произнесший так громко „нет“, выступит и попробует это отрицать. (Возгласы одобрения.) Кто

произнес „нет“? (Овации.) Какой-нибудь тщеславный и оскорбленный в своем самолюбии человек... чтобы не сказать — галантерейщик (овации), завидующий тем похвалам, каких удостоились — пусть незаслуженно — его (мистера Пиквика) ученые исследования, и уязвленный порицаниями, коими встречены были жалкие его попытки соперничества, прибегает к этому презренному и клеветническому способу...

Мистер Блоттон (из Олдгета) призывает к порядку заседания. Не на него ли намекает почтенный пиквикист? („К порядку!“, „Председатель!“, „Да!“, „Нет!“, „Продолжайте!“, „Довольно!“, „Довольно!“.)

Мистер Пиквик не дает смутить себя криками. Он намекал именно на почтенного джентльмена. (Сильное возбуждение.)

Мистер Блоттон хочет только отметить, что он с глубоким презрением отвергает непристойное и лживое обвинение почтенного джентльмена. (Громкое одобрение.) Почтенный джентльмен — хвостун! (Полное смятение, громкие крики: „Председатель!“, „К порядку!“.)

Мистер Снодграсс призывает к порядку заседания. Он обращается к председателю. („Слушайте!“) Он хочет знать, неужели не положат конец недостойной распре между членами клуба? („Правильно!“)

Председатель вполне уверен, что почтенный пиквикист возьмет назад свое выражение.

Мистер Блоттон заверяет, что, при всем уважении к председателю, не возьмет своего выражения назад.

Председатель считает своим непреложным долгом спросить почтенного джентльмена, надлежит ли понимать выражение, которое у него сорвалось, в общепринятом смысле.

Мистер Блоттон не колеблясь отвечает отрицательно — он употребил выражение в пиквикистском смысле. („Правильно! Правильно!“) Он вынужден заявить, что персонально он питает глубочайшее уважение к почтенному джентльмену и считает его хвостуном исключительно с пиквикистской точки зрения. („Правильно! Правильно!“)

Мистер Пиквик считает себя вполне удовлетворенным этим искренним, благородным и исчерпывающим объяснением своего почтенного друга. Он просит принять во внимание, что его соб-

ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА

ственные замечания надлежит толковать только в пиквикистском смысле. (Рукоплескания.)»

На этом протокол заканчивается, как заканчиваются, мы не сомневаемся, и дебаты, раз они завершились столь удовлетворительно и вразумительно.

Официального изложения фактов, предлагаемых вниманию читателя в следующей главе, у нас нет, но они тщательно проверены на основании писем и других рукописных свидетельств, подлинность которых настолько не подлежит сомнению, что оправдывает изложение их в повествовательной форме.

ГЛАВА II

*Первый день путешествия
и приключения первого вечера
с вытекающими из них
последствиями*

олнце — этот исполнительный слуга — едва только взошло и озарило утро тринадцатого мая тысяча восемьсот двадцать седьмого года, когда мистер Сэмюел Пиквик, наподобие другого солнца, воспрянул ото сна, открыл окно в комнате и воззрился на мир, распростертый внизу. Госуэлл-стрит лежала у ног

его, Госуэлл-стрит протянулась направо, теряясь вдали, Госуэлл-стрит простиралась налево, и противоположная сторона Госуэлл-стрит была перед ним.

«Таковы, — размышлял мистер Пиквик, — и узкие горизонты мыслителей, которые довольствуются изучением того, что находится перед ними, и не заботятся о том, чтобы проникнуть в глубь вещей к скрытой там истине. Могу ли я удовольствоваться вечным созерцанием Госуэлл-стрит и не приложить усилий к тому, чтобы проникнуть в неведомые для меня области, которые ее со всех сторон окружают?» И мистер Пиквик, развив эту прекрасную мысль, начал втискивать самого себя в платье и свои вещи — в чемодан. Великие люди редко обращают большое внимание на свой туалет. С бритьем, одеванием и кофе покончено было быстро; не прошло и часа, как мистер Пиквик с чемоданом в руке,

с подозрительной трубкой в кармане пальто и записной книжкой в жилетном кармане, готовой принять на свои страницы любое открытие, достойное внимания, — прибыл на стоянку карет Сент-Мартенс-Ле-Гранд.

— Кеб! — окликнул мистер Пиквик.

— Пожалуйте, сэр! — заорал странный образчик человеческой породы, облаченный в холщовую блузу и такой же передник, с медной бляхой и номером на шее, словно был занумерован в какой-то коллекции дикувинок. Это был уотермен.

— Пожалуйте, сэр! Эй, чья там очередь?

«Очередной» кеб был извлечен из трактира, где он курил свою очередную трубку, и мистер Пиквик со своим чемоданом ввалился в экипаж.

— «Золотой Крест», — приказал мистер Пиквик.

— Дел-то всего на один боб, Томми, — хмуро сообщил кебмен своему другу уотермену, когда кеб тронулся.

— Сколько лет лошадке, приятель? — любопытствовал мистер Пиквик, потирая нос приготовленным для расплаты шиллингом.

— Сорок два, — ответил возница, искоса поглядывая на него.

— Что? — вырвалось у мистера Пиквика, схватившего свою записную книжку.

Кебмен повторил. Мистер Пиквик испытующе воззрелся на него, но черты лица возницы были недвижны, и он немедленно занес сообщенный ему факт в записную книжку.

— А сколько времени она ходит без отдыха в упряжке? — спросил мистер Пиквик в поисках дальнейших сведений.

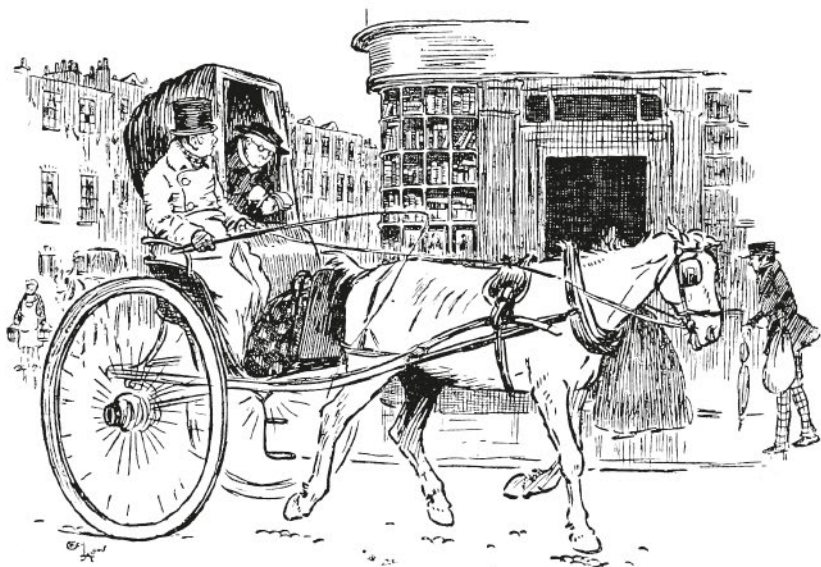
— Две-три недели, — был ответ.

— Недели?! — удивился мистер Пиквик и снова вытащил записную книжку.

— Она стоит в Пентонвиле, — заметил равнодушно возница. — Мы редко держим ее в конюшне, уж очень она слаба.

— Очень слаба! — повторил сбитый с толку мистер Пиквик.

— Как ее распряжешь, она и валится на землю, а в тесной упряжи, да когда вожжи туго натянуты, она и не может так просто свалиться; да пару отменных больших колес приладили; как тронется, они катятся на нее сзади; и она должна бежать, ничего не поделаешь!

Мистер Пиквик занес каждое слово этого рассказа в свою записную книжку, имея в виду сделать сообщение в клубе об исключительном примере выносливости лошади в очень тяжелых жизненных условиях.

Едва успел он сделать запись, как они подъехали к «Золотому Кресту».

Возница соскочил, и мистер Пиквик вышел из кеба. Мистер Тапмен, мистер Снодграсс и мистер Уинкль, нетерпеливо ожидавшие прибытия своего славного вождя, подошли его приветствовать.

— Получите, — протянул мистер Пиквик шиллинг вознице.

Каково же было удивление ученого мужа, когда этот загадочный субъект швырнул монету на мостовую и в образных выражениях высказал пожелание доставить себе удовольствие — рассчитаться с ним (мистером Пиквиком).

— Вы с ума сошли, — сказал мистер Снодграсс.

— Или пьяны, — сказал мистер Уинкль.

— Вернее, и то и другое, — сказал мистер Тапмен.

— А ну выходи! — сказал кебмен и, как машина, завертел перед собой кулаками. — Выходи... все четверо на одного.

Диккенс Ч.

Д 45 Посмертные записки Пиквикского клуба : роман / Чарльз Диккенс ; пер. с англ. А. Кривцовой, Е. Ланна. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 992 с. : ил. + вкл. (24 с.). — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-32575-3

Первый роман Чарльза Диккенса, сделавший его знаменитым, изначально задумывался как комикс — сопроводительный текст к серии иллюстраций художника Роберта Сеймура. К счастью, этим дело не ограничилось, и из небольших скетчей возникло произведение, вошедшее в золотой фонд мировой культуры, считающееся одним из символов английской литературы и английского юмора.

«Посмертные записки Пиквикского клуба» — идеальное чтение для поднятия настроения, но не только. Уморительная эпопея о приключениях Сэмюэла Пиквика и его друзей с неподражаемой иронией и неподдельной теплотой изображает Англию XIX века с ее сельскими пасторальями и городскими улицами, придорожными трактирами и повсеместными пабами, возлияниями и чаепитиями, нелепыми законами и долговыми тюрьмами, казармами, приютами, военными маневрами, провинциальными выборами и маскарадами, надутыми чиновниками, балбесами-аристократами, лицемерными политиками, остроумными лакеями, неунывающими работягами, старыми девами и шаловливыми вдовами, дельцами-выжигами и наивными чудаками.

По сути, Диккенс написал ту самую «старую добрую Англию», образ которой закрепился в общественном сознании. Путешествие эксцентричного, наивного и никогда не унывающего английского джентльмена, затеянное с «научными» целями познания «человеческой природы», вобрало в себя и туристический путеводитель, и комедию положений, и юмористический детектив, и мистику, и социальную сатиру. Диккенс мастерски смешивает абсурд и реализм, создавая галерею запоминающихся образов и показывая, что жизнелюбие, великодушие и искренность помогают преодолеть любые невзгоды.

Издание включает полные комплекты иллюстраций английских художников Роберта Сеймура, Гарри Ферниса, Сесиля Олдина, Физа (Хэблота Найта Брауна), Фрэнка Рейнольдса.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС
ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ
ПИКВИКСКОГО КЛУБА

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Валерий Камендо, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 29.05.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 62,23 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербург, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-41885-01-R